

ОТ МЕТАФОРЫ К ТОЧНОМУ ПОНЯТИЮ В ДОКУМЕНТО-КОММУНИКАЦИОННЫХ НАУКАХ¹

О роли метафоры в научном тексте и процессе уточнения понятия с помощью метода схематизации. Суть метода состоит в представлении понятий в виде схем в результате их абстрагирования и формализации в рамках конструктивного подхода.

Ключевые слова: метафора, социальный институт; организация (учреждение); конструкт; схема; дефиниция; понятие; документо-коммуникационные науки

On the role of metaphor in scientific text, and the process of clarifying the notion with using of the method of schematization. The method consists in the representation of the notion in the form of schemes as a result of abstraction and formalization in format of a constructive approach.

Keywords: metaphor, social institution; organization (institution); construct; scheme; definition; notion; document-communication science

При изучении научной литературы о социальных институтах, их роли в обществе встречаются фразы типа: «институты *упрощают* процесс обмена», институты, «наряду со стандартными ограничениями, описываемыми экономической теорией, *формируют* возможности, которыми располагают члены общества» (курсив мой. – Е. П.) [3, с. 42, 56]. Однако, говоря, что социальные институты поддерживают определенный порядок в обществе, следует понимать эти выражения как метафору, поскольку, как подчеркивает Н. М. Смирнова, «не социальные структуры детерминируют человеческое поведение, но, напротив, опривыченные формы человеческих действий поддерживают определенный институциональный порядок – пока он отвечает их ожиданиям и интересам» [Цит. по: 11, с. 267].

Наш язык метафоричен. К широко распространенным метафорам привыкли; всем понятны выражения: «идет дождь», «ручка двери», «эта особа – настоящая лиса» и т. п.: метафора указывает на сходство устойчивых функций сравниваемых объектов. В метафорическом выражении обычное и переносное значение слов соединяются «особым контекстом так, что входящие в него элементы воспринимаются как одновременно различающиеся и отождествляемые. В результате происходит столкновение различных идей... порождающее новое видение соединяемых объектов, новое понимание отношений между ними» [6, с. 549].

Осуществляя семантический сдвиг, метафора позволяет увидеть предмет как бы в свете другого объекта. С помощью метафоры создается новый образ и порождается новый смысл, воспринимаемый разумом.

1. Термин пока точно не зафиксирован. Наряду с выражением *науки документально-коммуникационного цикла* используется вариант *науки документально-коммуникационной сферы*. Ю. Н. Столяров, занимающийся разработкой библиотековедческой терминологии, употребляет термины *блок документо-коммуникационных дисциплин*, *документивная коммуникация* [См.: 23].

В физике есть «теория струн», которая вовсе не о гибких нитях, способных извлекать звук, а о строении Вселенной; «шарм» элементарных частиц... Метафорические выражения лаконичны, но они и не объясняют, не обосновывают мысль. Метафора способствует образованию омонимии и тонких синонимов, создает полисемию (в том числе, логическую) и не является стойкой [см. 1, с. 346–385]. Метафора как бы сдваивает «представление о разных классах объектов», – подчеркивает Н. Д. Арутюнова во вступительной статье к сборнику «Теория метафоры» [24, с. 7].

Примером широко распространенной метафоры в документо-коммуникационных науках является определение библиотеки, архива, музея как институтов «социальной (исторической, общественной) памяти» [2]. Библиотека, архив, музей, сравниваемые с памятью социума, предстают как необходимые и значимые для общества феномены, без которых невозможна жизнь человечества вообще, ведь человек без памяти – вовсе не человек.

Целью метафоры является обращение внимания на главный признак объекта (в данном случае – библиотеки, архива, музея). Однако красочная метафора *институт социальной памяти*, воздействуя на эмоциональном уровне, по нашему мнению, не только не проясняет, что такое библиотека (архив, музей) по своей сути, а даже затуманивает ее. Сразу возникают вопросы: что такое *институт*, идет ли речь об исследовательском институте или обучающем учреждении, если нет, то чем термин *институт социальной памяти* отличается от общепринятого термина *социальный институт* и отличается ли вообще; что такое память, о какой памяти идет речь (например, компьютерная память извлекается, как правило, без изменения, а память живого существа, наоборот, обычно меняется, так как «в процессе каждого воспоминания происходит не просто воспроизведение информации, а ее активная перезапись», т. е. процесс

реконсолидации памяти [19]); можно ли память отождествлять с неким конкретным местом, вместилищем, где «складируется» знание (ведь до сих пор, кажется, не найдено такой зоны в мозге), или память (а значит и библиотека, архив, музей) – это некая «система гиперссылок»?..

В научный текст метафора обычно не вводится, поскольку считается менее эффективным способом передачи значения, нежели употребление слов в их точном смысле. Так, употребление мною метафоры *сервер* по отношению к библиотеке-организации, которая при обслуживании пользователя (клиента) образует новую систему *библиотека – социальный институт*, вызвало отторжение у некоторых библиотечников. В профессиональной печати даже было высказано мнение о возможности «нескольких негативных последствий» после введения метафорического выражения *сервер-клиент* [7, с. 10].

Безусловно, злоупотребление метафорой в научном тексте ведет к завуалированию смысла, а метафора, понятая буквально, – даже к его искажению. Например, широко распространенное олицетворение мозга с компьютером может привести к ошибочному представлению, что мышление человека сводится к ограниченному набору операций, доступных современным электронно-вычислительным машинам.

Тем не менее метафора обладает эвристическими возможностями, создавая между сравниваемыми объектами непредсказуемые ассоциативные связи. «Было обращено внимание, – свидетельствует Н. Д. Арутюнова, – на моделирующую роль метафоры: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. Особая роль в этом принадлежит ключевым метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий» [1, с. 378]. То есть ключевой метафорой считают ту, которая «переносит образ одного фрагмента действительности на другой ее фрагмент» [12, с. 26].

Рассмотрим выражение *сервер-клиент*, употребленное нами для уяснения понятия *библиотека – социальный институт*. Термин *сервер* понятен на многих языках. Главное в нем – *one who serves* (тот, кто обслуживает) [26, с. 654]. Это выражение предложено нами как метафора для более ясного понимания взаимоотношения библиотеки-организации со своими пользователями [17]. Имея в виду, что смысл существования системы *библиотека-организация* – предоставление доступа к библиотечному документному продукту [16, с. 49], считаем, что возможна аналогия библиотеки-организации и сервера, поскольку сервер – ключевая метафора между понятиями *тот, кто обслуживает* и *библиотека-организация*.

Однако обратное выражение *клиент-сервер* стало устойчивым в узкопрофессиональном смысле и в последнее время ассоциируется с компьютерной сре-

дой, имеет там собственный системный смысл. К слову сказать, к компьютерщикам термин *сервер* пришел из тенниса, не смутив их своим долгим «спортивным прошлым» (сервер – это игрок, подающий мяч в игру). Конечно, при использовании словосочетания *клиент-сервер* в теоретической схеме, олицетворяющей *библиотеку – социальный институт* как взаимодействие пользователя и библиотеки-организации, следовало подчеркнуть общую заинтересованность двух субъектов взаимонаправленными стрелками (т. е. *клиент* \rightleftharpoons *сервер*), поскольку в любом социальном институте субъект, «предлагающий продукт», ориентируется на потребителя этого продукта. И наоборот, потребитель своими запросами влияет на производителя. Таким образом, взаимонаправленными стрелками показывается обоюдная и взаимозависимая связь клиента и сервера, пользователя и библиотеки-организации. Другое дело, что нами не был учтен негативный смысл *сервильности*¹ в русском языке.

Полисемия терминов в научном познании неизбежна. А. А. Зиновьев называет несколько объективных и субъективных истоков многозначности: различие новых явлений, новых аспектов одного и того же явления, изменение объектов исследования, различный уровень понимания, интересов и целей исследователей, разный контекст, в котором употребляется тот или иной термин [См.: 8, с. 29].

Многозначность терминов может стать важнейшей предпосылкой для формирования новых идей. В исследовании какого-либо предмета мысль движется от создания метафорических образов к более строгим понятиям, достигая при этом большей определенности в содержании. Поэтому, дав толчок мысли, метафора *сервер* уступила более точной – *актор*, в которой, кроме указания на агента действия, есть оттенок активности, инициативы, а далее – *деятели/созидателя*, дополненных оттенком позитивности. Напротив, метафора *институт социальной памяти*, удачно высвечивая миссию Библиотеки, не выстраивает связной иерархии с понятиями *социальный институт* и *организация*, принятыми научным сообществом. Такую роль, на наш взгляд, выполняет понятие *библиотека – социальный институт*, сущность которого проясняется благодаря конструкту *библиотека-организация* \rightleftharpoons *пользователь* (исходя из общей схемы социального института *созидатель* \rightleftharpoons *потребитель*).

Итак, метафора может дать новое направление мысли в научном поиске, породить ассоциации, способствовать новому осмыслению традиционных понятий. Специалисты, изучающие процессы познания, считают, что, поскольку понимание буквальных выра-

¹Сервильность: подхалимаж, низкопоклонничество, холуйство, подобиострастие, подобиострастность, раболепность, холопство, раболепие, пресмыкательство, подхалимство, низкопоклонство, прислужничество, угодливость, угодничество, лакейство [См.: 20].

жений очень похоже на понимание метафорических, для успешного моделирования понимания текста необходимо моделирование метафоризации [См.: 12, с. 26]. Когнитивные модели базируются на метафорах самых разных научных направлений, искусства, практической деятельности. Так, Е. Н. Кучер отмечает «каталоговую модель памяти, описывающую ее устройство по аналогии с системой библиотечного каталога» [9, с. 142].

В процессе понимания – при попытке приближения к сущности предмета – вначале он именуется, «вычленяется» хотя бы по одному свойству из множества других подобных предметов. Формируемый образ предмета – вначале рыхлый и туманный – постепенно уточняется, превращаясь в понятие. Процесс уточнения идет разными путями. Э. Кассирер (*E. Cassirer*) выделял «два вида ментальной деятельности: метафорическое (метапоэтическое) и дискурсивно-логическое мышление» [Цит. по: 1, с. 378]. Понятия естественных наук, по Кассиреру, формируются в результате дискурсивно-логического мышления, проходя путь от видовых отличий к родовым; метафорическое освоение мира совершает обратный путь, сводя «концепт в точку, в единый фокус» [Там же]. Оба пути необходимы и неразрывно связаны: формирование и уточнение понятий ведет к категоризации знания, а с помощью метафоры улавливается сходство между разными классами объектов.

Употребление метафор ломает существующую категоризацию и указывает на важный признак предмета, способствуя тем самым прояснению и более глубокому пониманию исследуемого феномена. Хосе Ортега-и-Гассет (*José Ortega y Gasset*) назвал метафору «орудием мысли», которое позволяет приблизить понимание абстрактных объектов через сопряжение их с конкретными объектами [14, с. 72] и сформировать более четкое понятие абстрактного объекта.

У понятия различают объем (предметы, обладающие выделенным признаком) и содержание (признаки, свойства, отношения, по которым идет обобщение и собирание в класс предметов) – на этом этапе появляются более строгие дефиниции. Понятие вводится в систему научных понятий и соотносится тем или иным образом с другими – происходит категоризация, т. е. определяется класс (или классы), к которому принадлежит предмет, выстраивается категориальная структура изучаемой предметной области [См.: 22, с. 353]. Так, выяснение соотношения понятий *библиотека – социальный институт* и *личная библиотека, библиотека – социальный институт* и *библиотека-организация (учреждение)* позволило уточнить категориальную структуру понятия *библиотека* [16].

При этом был применен метод схематизации понятия, который можно рассматривать как частный случай идеализации теоретического объекта. Суть метода состоит в том, что с помощью абстрагирования (сосредоточение на наиболее существенных аспектах объек-

та в данном исследовании) и формализации (создание модели предметной области для обнаружения ее структуры и характерных для нее процессов) в рамках конструктивного подхода понятия и категории были представлены в виде схем. Примененный метод показал свои значительные эвристические возможности. Так, построение схемы понятия *организация (учреждение)* позволяет преодолеть многолетнее заблуждение библиотечников о наличии элемента *пользователь* в системе *библиотека* при одновременном понимании ее как учреждения. Напомним, что вербальная логическая схема понятия *организация (учреждение)*, зафиксированная в многочисленных реальных определениях¹, была представлена визуально в виде конструкта (системы) из трех элементов: *персонал – средства производства – продукт труда*. Поскольку ни в одном определении организации (учреждения) пользователь не фигурирует, его нет и среди необходимых элементов системы. Сделать следующий логический вывод в отношении библиотеки-учреждения не составляет труда: В структуре всех организаций (учреждений) нет пользователя; библиотека есть организация (учреждение); библиотека как организация (учреждение) не имеет пользователя.

Однако время от времени в профессиональной печати, отменяя все законы логики, встречаются сентенции, что-де «библиотека – это *особое* учреждение: без читателя нет библиотеки». Конечно, без читателя нет библиотеки! Но какой? Библиотека-учреждение нарабатывает свой документный продукт (комплектует фонд, каталогизирует, хранит) именно без пользователя, персонал библиотеки за свою работу получает зарплату.

Согласно определению *социального*, идущего еще от Макса Вебера, действия персонала по производству продукта не относятся к социальному, так как направлены на *вещные* объекты. К социальному можно отнести только внутреннее взаимодействие персонала организации между собой (но эти действия не определяют принципиальную структуру системы они в ней необязательны) и внешние действия организации/учреждения по обмену произведенного продукта) [См.: 4, с. 625]. Следовательно, отнесение организаций (учреждений) как структур, производящих продукт, к социальным институтам невозможно, поскольку противоречит одному из основных понятий социологии. Кроме того, по определению социальности, связь должна быть между *разными субъектами*. Социальный институт, понимаемый как взаимосвязь субъекта производства и субъекта потребления, проясняет и понимание библиотеки как социального института. Так, схема понятия *библиотека – социальный институт* (как связь двух разных субъектов) выглядит следующим образом: *библиотека-учреждение* ⇌ *пользователь*.

¹ Реальное определение содержит перечисление признаков предмета.

Отсюда следует вывод, что понятия *библиотека-организация (учреждение)* и *библиотека – социальный институт* не являются синонимичными и не могут применяться к одной сущности. Таким образом, с помощью метода схематизации понятия удалось показать причину многозначности одного из основных понятий библиотековедения – *библиотека*. Полисемия возникла как результат замещения одного термина словами, которые считались синонимами (учреждение и социальный институт). На самом деле различные родовые понятия *организация (учреждение)* и *социальный институт* несут не только разную смысловую нагрузку, но и отличаются в своей сущности. Произошло смешение объектов с разной инвариантной сутью, а термин *библиотека* при этом не конкретизировался.

Конечно, новое понимание чего-либо – долгий и трудный процесс. Восприятие и осмысление проблем субъектом познания обусловлены его опытом, знаниями, мировоззрением, идеологией, присущими ценностями, целями объяснения, чувствами, творческими озарениями, принадлежностью к определенной культуре. Обусловленность знания субъективными факторами получила название *апперцепции*. Апперцепция сказывается на понятиях, категориях и категориальных схемах, которыми оперирует индивид. Осознание того, что формируемое знание зависит от наличия интерпретаций, предваряющих научное знание, считается современными исследователями «важнейшим методологическим императивом когнитивных наук о человеке, критерием осмысленности модельных конструкций социальных наук» [21, с. 123].

На классическом этапе развития науки при теоретическом объяснении считалось необходимым «элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности» [22, с. 633]. В дальнейшем, на этапах неклассической и постнеклассической науки (разновидностью последней, по словам В. Ф. Петренко, выступает и методология конструктивизма), стало понятно, что пренебрежение характеристиками субъекта познания и средств, им применяемых, может приводить к ошибкам исследования. «Операциональные (инструментальные) средства познания определяют каркас познавательных моделей, где наряду с информацией, идущей от объекта... в свернутой форме присутствует и ценностно-мотивационная составляющая познания (определяющая зону поиска и его ограничений) в конструировании моделей мира. Знание и информация о мире не тождественны» [15, с. 77].

Выяснено, что содержание понятий развивается от наглядно-действенных форм обобщения к обобщению отвлеченному не только в жизни одного человека на различных возрастных ступенях [См.: 10, с. 104], но и изменяется под влиянием образа жизни [см. 13, с. 127–128]. Развитие понятий идет также и в науке в целом, и в отдельных ее дисциплинах.

Л. А. Микешина подчеркивает роль социализации, влияния общества на познающего субъекта, на «усвоение им общепризнанных и стандартизированных норм и правил этой деятельности»: «Ученому предписываются определенные способы достижения целей, задаются должная форма и характер отношений в профессиональной группе, а его деятельность и поведение оцениваются в соответствии с принятыми в научном коллективе образцами и стандартами» [Там же, с. 104]. Субъект познания изначально включен в мир и систему отношений с другими исследователями и зависит от них.

Как свидетельствует Ст. Тулмин (*St. Toulmin*), распространение и восприятие новых понятий, теорий становится «эффективной “возможностью” научной дисциплины только тогда, когда они серьезно воспринимаются влиятельными представителями соответствующей профессии, и полностью “устанавливаются” только в том случае, если получают свое позитивное подтверждение» [25, с. 265]. Новые идеи обычно трудно воспринимаются научным сообществом. История науки драматична и даже трагична: так, один из величайших физиков Л. Больцман застрелился, не пережив критики своих идейных противников. Важную роль при внедрении новых идей играет авторитетность самого исследователя-новатора¹.

Таким образом, освобожденный взгляд на предмет от опыта исследователя, научной школы, к которой он принадлежит, дисциплины, в рамках которой он мыслит, ценностей, которых он придерживается, видимо, невозможен. Это понимали еще древние: недаром слово *теория* на древнегреческом толкуют не только как ‘рассмотрение’, ‘исследование’, но и как ‘страстное и сочувственное созерцание’» [Цит. по: 18, с. 47].

Необходимо также осознавать, что познание порой осуществляется *в разных языках*, и для понимания требуется *перевод* и согласование их между собой. При этом имеется в виду не столько перевод, допустим, с русского на английский или наоборот (хотя каждый язык характеризует мировидение своего народа), сколько перевод с языка одной научной группы на язык другой. Научные школы иногда настолько отграничены друг от друга, что одинаковыми терминами обозначают разные понятия или по-разному относятся к одним и тем же явлениям.

Познавательные операции (в том числе категоризация, репрезентация, интерпретация, конвенция) имеют коммуникативную природу. И значит, предполагают присутствие другого субъекта (*другого*), который воспримет, поймет и, возможно, использует полученные результаты в своей деятельности, т. е.

¹ Ст. Тулмин приводит пример о формулировании кинетической теории теплоты, не привлекая к себе внимание из-за малой известности ее автора – Уотерстона – за пятнадцать лет до выдвижения ее Клаузиусом и Максвеллом [См.: 25, с. 271].

оценит их – соотнесет не только с этическими, мировоззренческими и эстетическими идеалами, но и с эпистемологическими, методологическими эталонами [См.: 13, с. 103].

Какое последствие – негативное или позитивное – окажут на развитие науки те или иные теории (в частности, и изложение моих взглядов – на развитие библиотековедения), предугадать трудно. Думаю,

главное, чтобы они побудили к дальнейшему исследованию, размышлению, рациональной дискуссии в профессиональной печати, ведь только учитывая множество взглядов на предмет, можно приблизиться к его осмыслению. И все же, вслед за великим Гоголем, повторю: «Что же касается до мнения, будто книга моя должна произвести вред, с этим не могу согласиться ни в каком случае» [5, с. 333].

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – I–XV. – 896 с.
2. Бернат, А. Архивы, библиотеки и музеи – институты общественной памяти. Что их различает и сближает / А. Бернат // Отечественные архивы. – 2005. – № 2. – С. 60–65.
3. Бренделева, Е. А. Неинституциональная экономическая теория / Е. А. Бренделева; под общ. ред. А. В. Сидоровича. – М.: Дело и сервис, 2006. – 352 с. – (Учебники Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова).
4. Вебер, М. Основные социологические понятия. Понятие социального действия // Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологическая мысль Запада).
5. Гоголь, Н. В. Авторская исповедь // Собр. соч.: в 8 т. Т. 7: Статьи. 1836–1837; Выбранные места из переписки с друзьями; Не напечатанное при жизни и незавершенное. 1840-е гг. / Н. В. Гоголь; сост. О. Дорофеев; примеч. Ю. Манн. – М.: Терра – Кн. клуб, 2001. – С. 297–334.
6. Гусев, С. С. Метафора / С. С. Гусев // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 548–549.
7. Гусева, Е. Н. О серверах, и не только... / Е. Н. Гусева // Мир библиографии. – 2008. – № 3. – С. 9–10.
8. Зиновьев, А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – М.: Астрель, 2008. – 576 с.
9. Кучер, Е. Н. Познание познания: когнитивные науки // Когнитивный подход. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 133–164.
10. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 416 с.
11. Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л. А. Микешина. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 575 с. – (Humanitas).
12. Микешина, Л. А. Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия / Л. А. Микешина // Когнитивный подход. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 20–57.
13. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – 439 с. – (Humanitas).
14. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры // Теория метафоры – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
15. Петренко, В. Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке / В. Ф. Петренко // Вопр. философии. – 2011. – № 6. – С. 75–81.
16. Полтавская, Е. И. Библиотека: учреждение и/или социальный институт? / Е. И. Полтавская. – М.: Литера, 2009. – 176 с. – (Современная библиотека; вып. 43).
17. Полтавская, Е. И. И вновь социальные институты: библиотека, библиография и комплекс систем книжного дела / Е. И. Полтавская // Мир библиографии. – 2007. – № 6. – С. 2–7.
18. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1997. – 814 с.
19. Реконсолидация памяти [Электронный ресурс] // MedLinks.ru. Разд. Новости медицины. Неврология и нейрохирургия. Реконсолидация памяти / MedLinks.ru. Опубликовано 11.12.2009. – Режим доступа: <http://www.medlinks.ru> (Дата обращения 27.08.2011).
20. Сервильность [Электронный ресурс] // Словарь русских синонимов / Программная оболочка – © Jeck labs 2008–2011. – Режим доступа: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/сервильность> (Дата обращения 27.08.2011).
21. Смирнова, Н. М. Эпистемология жизненного мира: новые когнитивные горизонты / Н. М. Смирнова // Эпистемология: новые горизонты: материалы конф. 24–25 июня 2010 г., Москва, Ин-т философии РАН. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 109–129.
22. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
23. Столяров, Ю. Н. «Документальная информация» в государственной Номенклатуре специальностей научных работников. Статья третья. Оптимистические предложения / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2012. – № 3. – С. 12–19.
24. Теория метафоры: сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
25. Тулмин, Ст. Человеческое понимание / Ст. Тулмин; пер. с англ. З. В. Кагальной; общ. ред. и вступ. ст. П. Е. Сивоконя. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
26. Webster's new world dictionary / ed. chief M. Agnes. – 4th ed. – New York, London, Toronto, Sydney: Pocket Books, 2003. – 753 s.

Сдано 27.09.2011